

Понятие праздника рассмотрено с точки зрения эмоционального содержания. Сопоставлены различные виды праздников, показано, что содержанием праздника могут быть как эмоции типа «радость – гордость», так и переживания печали, гнева и так далее. Предложен вывод о том, что эмоциональное содержание праздника (в отличие от прочих событий) заключается в высокой интенсивности переживаний. Рассмотрены принципы, связывающие эмоциональное содержание праздника с характеристиками архитектурного объекта и свойствами пространства, в котором происходит праздник.

Ключевые слова: праздник; эмоции; переживания; событие; архитектура; архитектурное пространство. /

The concept of the celebration is considered in terms of emotional content. Various types of celebrations are compared; it is shown that the content of the celebration can be both emotions of "joy - pride", and feelings of sadness, anger, and so on. It is concluded that the emotional content of the celebration (in contrast to other events) consists in a high intensity of experiences. The article considers the principles linking the emotional content of the celebration with the characteristics of the architectural object and the properties of the space in which the celebration takes place. Keywords: celebration; emotions; experiences; events; architecture; architectural space.

Архитектура праздника – традиции и эмоции /

ТЕКСТ

Константин Лидин /
text
Konstantin Lidin

Введение

Наверное, у большинства людей при слове «праздник» возникает представление о чем-то ярком, красочном, звонком и радостном. Фейерверк, нарядные костюмы, вкусная и красивая еда, музыка и танцы... Праздник – это интересно, весело и приятно; разве не так?

Следуя этой логике, можно указать и самую праздничную архитектурную стилистику. Конечно же, в наибольшей степени такому образу праздника – яркого, динамичного и ритмичного – соответствует стиль барокко или близкие к нему. Может быть, торжественная разновидность праздника (скажем, бал в аристократическом кругу) обязательно должен происходить в окружении ампира, а богемная встреча творцов – в диковинной роскоши ар-нуво и ар-деко?.. Во всяком случае, представление о жизни во дворцах как о сплошном празднике очень устойчиво и крепко. И дворцовый праздник насыщен не просто радостью и гордостью, а предельными, максимально выраженными эмоциями этого сектора – восторгом, восхищением, экстазом.

1. Восторг любой ценой

Создание восхитительной среды дворцовой архитектуры обходится совсем недешево. На постройке дворца Нойшванштайн король Людвиг Второй разорил казну Баварии, самого богатого из германских княжества середины девятнадцатого века. Императрица Цы Си не просто опустошила бюджет Китая, а еще и втянула Поднебесную в огромные кредиты от западных стран. Но вместо военно-морского флота для противостояния усиливающейся Японии она с фантастической роскошью перестроила и украсила Запретный город в Пекине; и этот праздник закончился восстанием ихэтуаней, вторжением альянса из восьми европейских держав и крахом династии Цин.

Пышность и великолепие дворцов важнее, чем добротность постройки. Пример – Павловский дворец, построенный в конце XVIII столетия великим князем, впоследствии императором Павлом Петровичем и его супругой Марией Федоровной. Над дворцом последовательно трудились Камерон, Кваренги, Данилов и Козлов. Устройство парка было поручено итальянскому декоратору Гонзаго.

В своих мемуарах великий князь Гавриил Константинович пишет: «В течение нескольких лет Гонзаго жил в Павловске. Каждое утро обходил он парк вместе со своим учеником Степаном Кувшинниковым, который нес по ведру белой и черной краски. Первой Гонзаго отмечал те деревья, которые нужно сохранить, а второй – которые нужно уничтожить. В результате получились те изумительные перспективы, которыми, как нигде, можно было любоваться в Павловске. Я никогда не видел такого великолепного парка и такого красивого по внутренней отделке дворца, как Павловский дворец. Это был настоящий музей – собрание картин, гобеленов, бронзы и вообще художественных вещей» [1, с. 10].

При этом качество постройки оставалось таким, что «<...> когда караул строился в зале, ему было приказано идти не в ногу, так как боялись, что провалится пол. В его прочности настолько сомневались, что даже колонны зала поддерживались особыми крюками, укрепленными на чердаке, и только казалось, что они опираются в пол» [Там же].

Период XVII–XIX веков отмечен также расцветом общественных пространств «дворцового типа». Яркий пример такого градостроительного решения – Дворцовая площадь перед Зимним дворцом в Санкт-Петербурге, с самого начала задуманная как сцена для парадов и торжественных выездов. Разноцветные мундиры и золотые каски с золотыми орлами, пышные плюмажи и начищенные кирасы кавалеров, ровные шеренги и слаженные артикулы – все это элементы праздника в ключе радости и гордости, сочетания роскоши и строгого порядка.

В тот же период расцветают и народные праздники, гуляния, ярмарки. Порядка в их течении гораздо меньше, эмоциональное наполнение этих праздников скорее относится к эмоциональному сектору «интерес – возбуждение», порой вторгаясь в соседнюю область гнева. Массовые гуляния легко переходили в разгул, часто сопровождалась азартными играми и тому подобными забавами. Зачастую праздник органично включает в себя кулачные бои и просто драки. Случались и смертельные исходы – от перепоя, в драке или от «лихих людей».

И конечно, такие праздники не могут обойтись без обильной и разнообразной еды. Праздничные пиршества москвичей блестяще описал В. Гиляровский [2].

^ Рис. 1. В. Садовников. Парад гвардии на Дворцовой площади в Санкт-Петербурге. 1839. Архитектура зданий в стиле классицизма, окружающая площадь, создает эмоциональную атмосферу торжественности и имперского величия

Уличные массовые праздники в Петербурге конца XVIII – начала XIX века очень живо передает книга журналиста и бытописателя Михаила Пыляева [3]. Не удержусь, чтобы привести обширную цитату:

«Первый общественный увеселительный сад открылся весной в 1793 году на Мойке (теперь Демидовский дом трудящихся); учредил его поддиректор императорских театров барон Ванжура; увеселительный сад именовался «Вокзал в Нарышкиновом саду». Здесь каждую среду и в воскресенье давались праздники, балы, танцевальные вечера и маскарады с платою по рублю с персоны. Увеселения начинались с 8 часов вечера; посетители могли приходиться в масках и без маски. В зале, предназначенной для танцев, играло два оркестра музыки: роговой и бальный. На открытом театре давали пантомимы и сожигали потешные огни. Иногда здесь шли и большие представления, как, например, «Капитана Кука сошествие на остров с сражением, поставленным фехтмейстером Мире», или «Новый год индейцев», народные пляски и т. д.

При этих представлениях публика платила два рубля.

Здесь показывали свое искусство, как гласила афиша того времени, и путешествующие актеры, и мастера разных физических, механических и других искусств, музыканты горлые, на органах и лютне, искусники разных телодвижений, прыгуны, сильные люди, великаны, мастера верховой езды, люди со львами и другими редкими зверьми, искусными лошадьми, художники искусственных потешных огней и т. д.» [3, с. 407].

Заметим, что «горлые музыканты» – это роговой оркестр, а два рубля по тогдашним ценам представляют довольно значительную сумму: за два рубля можно было купить пуд коровьего масла или получить роскошный обед с вином и десертом в дорогом трактире.

Итак, при всем разнообразии форм, которые принимает «классический» праздник, его эмоциональное наполнение фактически располагается в довольно узком сегменте с центром в переживаниях восторга и восхищения высокой интенсивности.

в Рис. 2. Ганс Вредеман де Врис. Дворец с музыкантами. 1596. Нидерландский архитектор и художник эпохи испанского владычества в Голландии подвергался преследованиям и не мог реализовать свои замыслы в постройках. Творческий потенциал нашел выход в причудливой и яркой живописи в жанре архитектурных фантазий – эмоциональный предшественник стилей ар-нуво и ар-деко

Architecture of a Celebration: Traditions and Emotions

^ Рис. 4. Сад камней монастыря Рёан-Дзи. Праздник молчаливого созерцания

^ Рис. 6. Сюгакуин – вилла императора Гомизуно. 1659. После 18 лет царствования в возрасте 33 лет император отрекся от престола и остаток жизни провел в умиротворенном созерцании природы и растворяющейся в ней архитектуры

2. Праздник печали

Другая великая культура – китайская – во многом развивалась схожими путями. Высокий расцвет культуры Китая пришелся на рубеже эпох Тан и Сун (XI век н. э.). Дворцовые праздники того времени выглядели не менее (или даже более) пышными, яркими и упорядоченными, чем в Европе Нового времени.

Вот стихотворение «Прием в императорском дворце в честь Праздника Первого Полнолуния» одного из классиков китайской поэзии Су Ши (1037–1101), выступавшего под псевдонимом Су Дунпо:

*Бледнеет луна над дворцом Цзяньчжан,
на небе звезды редеют;
Доносит божественный ветерок
курительниц аромат,
И по-лебединому в зале Тунмин
в почтеньи вытянув шеи,
Как красное облако перед Юй-ди,
чиновники стали в ряд [4].*

Добавим несколько комментариев:

– Дворец Цзяньчжан («Построенный Чжаном») – знаменитый дворец времен династии Хань (206 до н. э. – 220 н. э.). Помещая действие в легендарный дворец эпохи Хань, самой долгой из эпох китайской истории и самой прославленной, поэт указывает на древность традиций праздника;

– Зал Тунмин (дянь) («Зал Проникающего Света»), согласно легенде, находился в небесном дворце Юй-ди, Нефритового Государя. Здесь имеется в виду парадный зал императорского дворца в сунской столице Кайфене, но подчеркивается его связь с эпохой совсем уже легендарной;

– красное облако – ему уподобляются дворцовые чиновники, одетые по случаю праздника в шелковые халаты красного цвета. Следует добавить, что цветные облака издавна считались в Китае символом благого предзнаменования, а в легендах и сказках часто выступали как «транспортные средства» небожителей;

– Юй-ди (Юй-хуан шан-ди, «Нефритовый Государь») – одно из 9 имен верховного даосского божества, повелителя неба и мира людей. Поэт упоминает даосское божество в противовес господствовавшему тогда конфуцианству как намек на высшую сущность императора, возвышающегося над конфессиональными разногласиями.

В начале XIII века Китай подвергся монгольскому нашествию и на полтора века превратился в военную

> Рис. 3. Первомайский плакат. Художник С. Иванов. 1920. Эстетика ар-нуво тесно привязана к ощущению праздника. Даже трудовой Первомай в эмоциях радости и гордости нашел свое выражение в типичной пластике и колористике модерна

империю Юань. Новый подъем китайской традиции праздников происходит только в эпоху Мин, с середины XIV века. Утонченная культура Мин во многом пытается повторить яркую жизнерадостность Тан и Сун, но как будто некое изнеможение и трепетная невзрачность пропитывает эту культуру.

Похожие процессы протекают и в Японии. Культура Хэйань, вся построенная на заимствованиях из китайской, культивирует пышное великолепие, многоцветность и причудливость. Описание жизни императорского дворца в Киото под кистью Сэй Сёнагон выглядит утонченно-эстетичным, как просвечивающие друг сквозь друга многослойные шелка одеяний придворных дам.

В конце XII века Япония, приняв политику изоляции от материкового влияния, вступает в суровую эпоху Камакура. Изнеженная наследственная аристократия «кугэ» уступает место нарождающимся кланам самураев с их кровожадной эстетикой насильственной смерти. Постепенно вырабатывается дворцовый стиль, осно-

ванный на принципах «ваби-саби» и «югэн». Этот стиль «Синдэн-дзукури», похожий одновременно на казарму и на дзэнский монастырь, трактует праздник как тихое, печальное созерцание природы. Отдых от кровавых трудов и интриг, от бесконечных клановых войн, от свирепых радостей вражды и мести. Праздник – это когда можно просто неподвижно посидеть, глядя на осеннюю листву или нежную зелень весны.

В XV веке, когда Западная Европа переживала титанический творческий взрыв Ренессанса, в Японии окончательно сформировался аскетичный «стиль Восточной горы» (Хигасияма). Дворцово-монастырский комплекс «Серебряного павильона» (Гинкаку-дзи) весь пронизан созерцательной печалью, молчаливым единением с природой и растворением в ней, как и архитектура чайных домиков, и искусство каменных садов. Поэт Мидзухара Сюоши так отразил это настроение в хакку «Загородный дворец Сюгакуин»:

в Рис. 5. Серебряный павильон (Гинкаку-дзи), личный дворец военного диктатора Японии, вершина стиля Хигасияма. В первоначальном проекте павильон предполагалось покрыть сплошным слоем серебра, но военные расходы не позволили этого сделать. Может быть, и к лучшему...

*Провожаю весну –
под дождем, до нитки промокнув,
с тучей лицом к лицу... [5]*

Такой вот праздник – поэтическое переживание само-
забвенной грусти.

Если же кому-то покажется, что скорбь и печаль
могут быть содержанием праздника только в контексте
культуры камакура, то вот такой факт для размышле-
ния: в 2018–2019 туристическом сезоне музей бывшего
концентрационного лагеря Аушвиц – Биркенау (Освен-
цим) посещало около 2 миллионов 152 тысяч человек
в год, и это число постоянно растет (по данным сайта
auschwitz.org).

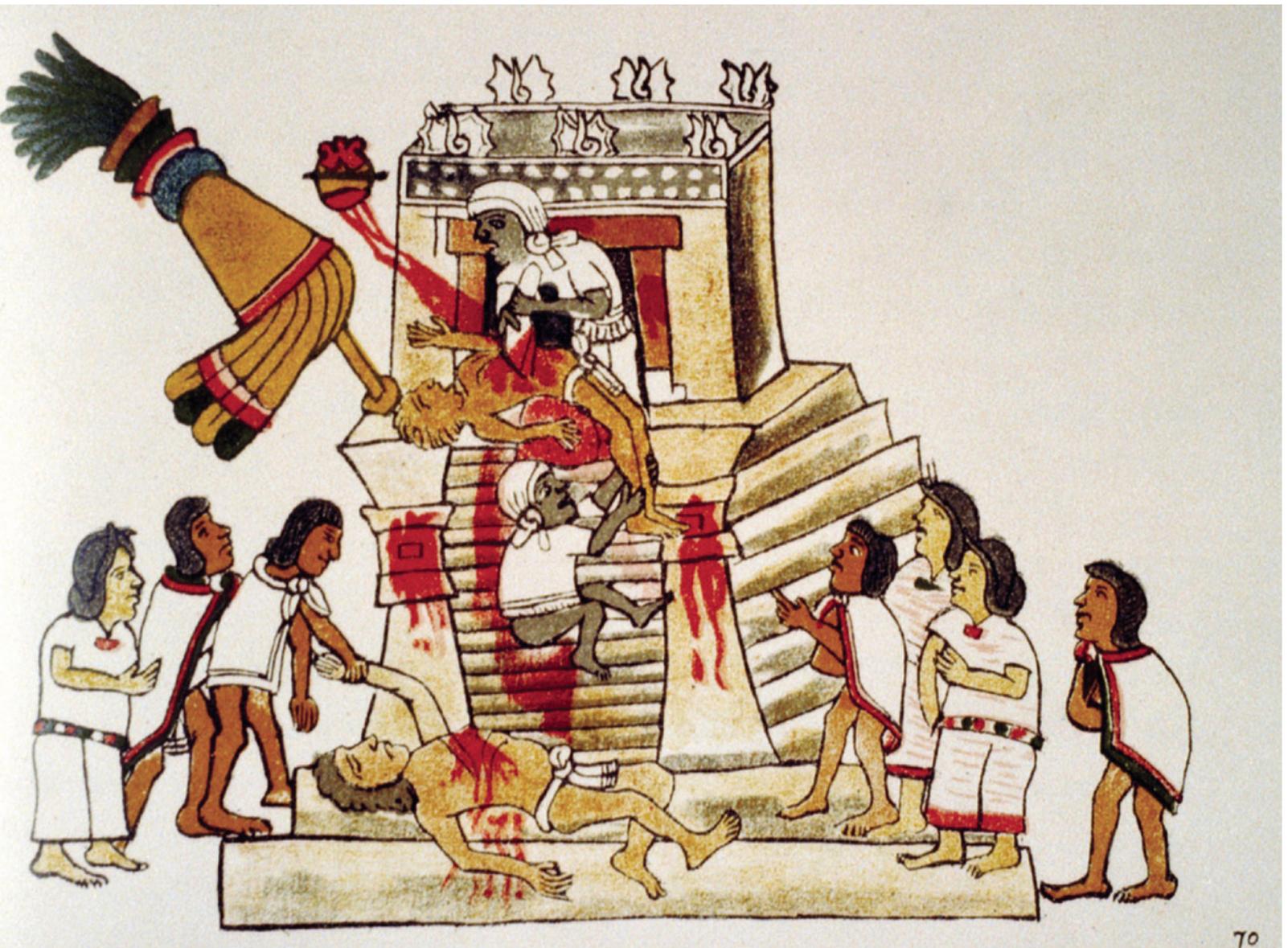
3. Праздник жестокости

В том же веке европейцы обнаружили за морем новый
для себя континент, а на нем – своеобразную группу

культур. Праздничные ритуалы ацтеков и майя настолько
поразили воображение суровых конкистадоров, что даже
подробных описаний этих ритуалов не осталось. Мас-
совые публичные убийства мужчин и женщин, празд-
ничный каннибализм, залитые кровью ступени храмов
и инкрустированные бирюзой человеческие черепа – все
это выглядело каким-то кошмаром. Чудовищные боги
наслаждались жестокостями, причем не только боги
смерти Миктлантекутли и его супруга Миктлансиуатль
или бог войны Уицилопочтли (Вицли-Пуцли). Массовых
жертв требовал и верховный судья, бог справедливости
Тескатлипока, и даже бог плодородия Кецалькоатль,
Пернатый Змей (не говоря уже о его родном брате, боге
грозы и несчастий Шолотле) [6].

Майянский бог кукурузы и покровитель сельского
хозяйства Хуун Ахав (он же Хун-Ахпу, он же Хун Хунахпу,
у ацтеков Центеотль) провел детство в играх со сво-
им братом Вукубом Хун-Ахпу. Уже подросток братья

в Рис. 7. Праздничное
жертвоприношение в честь
Уицилопочтли. Кодекс
Мальябекьяно. XVI век

как-то попали в подземное царство Шибальба (у ацтеков – Миктлан), где принялись озорничать и шумно играть в мяч. Разгневанные подземные боги подвергли братьев страшным пыткам и отрубили Хуун Ахаву голову. Эту голову они повесили на засохшее дерево, которое от этого ожило и начало плодоносить, а когда к дереву подошла подземная принцесса Шик, голова вдруг плюнула ей в ладонь своей кровью. От этого Шик забеременела, и ее дети воскресили Хуун Ахава в виде нового, очень полезного растения – маиса (кукурузы).

В принципе, ничего особенно оригинального в этой легенде нет. У многих сельскохозяйственных народов есть мифы об умирающих и воскресающих богах и связанные с ними праздники. Но майя и ацтеки по-своему обыгрывали миф: несколько раз в год история Хуун Ахава разыгрывалась публично, причем актера, игравшего главную роль, действительно обезглавливали. Точно так же были организованы праздники в честь других главных богов – их мифологические легенды разыгрывались с полным

< Рис. 9. Страница из Дрезденского кодекса майя (около 1200–1250). Праздник Нового года в представлении майя знаменовался сменой правящего божества.

Приблизительный перевод этой «новогодней открытки»:
 а. (Начальные дни) Маник' – Ламат. Пришел на запад Черный Оборотень, наш Мам. Костлявый – его ноша, это год смерти.
 б (раз курения) смолы пом, б (раз курения) смолы ч'ахальте Щедрому (?).
 (в сцене) 13 кусочков смолы для воскурений.
 в. Очередной владыка – бог смерти Кан Акан в доме.
 (в сцене) 6 кусочков смолы для воскурений, три хлеба и жаркое на блюде.
 с. Поставлено Первое колдовское дерево на севере, в ближайшем году Ицамна на пиру.
 (в сцене) 15 сожженных жертв. Мясо индюка на блюде и олений окорок (перевод В.Н. Талах)

праздник в городе / celebration in the city

в Рис. 8. Сцена ритуального каннибализма. Чтобы жизненная сила жертвы не пропала даром, ацтеки поедали ее, обгладывали кости и наносили на них узоры. В период ранней Конквисты таким образом было съедено несколько сотен испанцев, а также их лошадей, но ацтекам это помогло мало

^ Рис. 10. Архитектурные фантазии художников сегодня сместились в область компьютерных игр и виртуальной реальности. Новозеландский художник Стивен Моррелл (Stefan Morrell) использует цифровые технологии и образы городов в стиле киберпанк – мрачные, тревожные образы

реализмом, включая вырывание сердца у живого человека с последующим утоплением тела в священном колодце и тому подобное [7].

Праздники, основанные на переживаниях страха и отвращения, могут показаться атрибутом «темных веков», элементом средневекового зверства. Но нет: похожие по настроению события происходят и в наши дни. Например, праздник ашура у мусульман-шиитов. В день 10 октября 680 года н. э. имам Хуссейн и семьдесят его соратников претерпели мученическую смерть на поле битвы при Кербеле. В знак траура молодые правоверные мусульмане в тех странах, где это не запрещено, устраивают уличные шествия, во время которых бичуют себя железными цепями с острыми лезвиями на концах (этот обряд называется «татбир» и зачастую приводит к очень тяжелым травмам и заражениям). Детям и подросткам во время праздника разрезают кожу на голове. Люди постарше ограничиваются тем, что покрывают головы, лица и все остальное слоем грязи. Все это кровавое, жуткое и отталкивающее действие каждый год при большом стечении публики происходит в Пакистане, Афганистане, Ираке, в некоторых областях Ирана. Всего сто лет назад праздник ашура (другое название «шахсей-вахсей») происходил и в Азербайджане, и в Таджикистане в еще более опасной и кровопролитной форме, с применением сабель «тальявар» и мечей [8].

Однако и нам, представителям просвещенной западной культуры, вряд ли стоит ставить в пример свой гуманизм. Прежде чем ужаснуться пережиткам средневековья в сознании некоторых религиозных фанатиков, примем во внимание, что с точки зрения эмоционального наполнения голливудские фильмы в жанрах «экшн» и «хоррор» представляют собой такие же праздники страха, гнева и отвращения. Правда, в кино потоки крови бутафорские, но зато количество трупов и причудливость экзекуций – вне конкуренции. Да и по числу зрителей фильмы, например, Квентина Тарантино оставляют далеко позади и массовые праздники ацтеков, и пакистанскую ашуру. Какой-нибудь аятолла, проклиная западную культуру за жестокость, тоже имеет для этого немало оснований.

Заключение. Эссенция праздника

Подытожим приведенные примеры. Разнообразие праздников таково, что захватывает практически все эмоциональные области. Праздники бывают насыщенные порядком и ритмом, как военный парад. Праздники бывают яркие и пестрые, интересные и возбуждающие, как ярмарки. Существуют праздники тихие и грустные, но бывают и страшные и даже отвратительные праздники. И у каждого вида праздников есть свои древние корни и традиции, свои почитатели и энтузиасты.

Что же общего у всех этих праздничных вариантов? Что дает нам основание называть такие разные по форме и содержанию события одним и тем же словом?

Разные эмоции служат наполнением для разных праздников. Но это всегда очень сильные эмоции, иногда – на пределе того, что может выдержать человек. Если радость – то восторженная, даже экстагическая. Если страх – то смертный ужас. Если печаль – то такая, чтобы совсем раствориться в молчании.

Праздник – это событие с предельно интенсивным эмоциональным наполнением.

Предельные эмоции редки и недолговечны. Каждая из них связана с огромным напряжением душевных сил. Предельные переживания сопровождают глубокие личностные кризисы; проходя через них, личность меняется кардинально. Иногда такая перестройка выглядит как душевная травма, иногда – как естественный этап взросления, но глубокий след остается в любом случае. Праздник – это всегда инициация, посвящение, переход на новую ступеньку или в новое качество бытия.

Мирча Элиаде писал: Как мы уже говорили, "посвящение" сосуществует со всей подлинной жизнью человека. Это происходит по двум причинам: с одной стороны, потому что вся подлинно человеческая жизнь полна глубинных кризисов, испытаний, тревоги, потери и обретения самого себя, "смерти и воскресения"; с другой стороны, потому что даже самая полная жизнь в какой-то момент кажется неудачей. Речь не идет о моральном приговоре, который выносят своему прошлому, но лишь о смешанном чувстве упущенных возможностей, о том, что ты предал лучшее в себе. В такие моменты общего кризиса остается единственная надежда на спасение: начать новую жизнь,

Литература

1. Романов, В. К. В Мраморном дворце. – Москва: ВЕЧЕ, 2007. – 440 с.
2. Гиляровский В. Москва и москвичи. – Москва: Издательство АСТ, 2016. – 386 с.
3. Пыляев, М. И. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. – Санкт-Петербург: Паритет, 2002. – 480 с.
4. Стихи 1000 поэтов. Антология китайской поэзии в переводах Б. Мещерякова. – URL: <http://baruchim.byethost8.com/> (дата обращения: 30.01.2020)
5. Цветы Ямабуки: Шедевры поэзии хайку «серебряного» века (конец XIX – начало XX вв.)/Пер. с яп., предисл. и коммент. А. А. Долина. – Санкт-Петербург: Гиперион, 2000. – 235 с.
6. Фон Хаген, В. Ацтеки, майя, инки. Великие царства древней Америки. – Москва: Центрполиграф, 2010. – 950 с.
7. Сказания о Солнцах. Мифы и исторические легенды науа/ред. и пер. С. А. Куприенко, В. Н. Талах. – Киев: Издатель Куприенко С. А., 2014. – 382 с.
8. Monsutti A., Naef S., Sabahi Farian. The Other Shiites: From the Mediterranean to Central Asia. – Bern: Peter Lang, 2007. – 266 pp.
9. Элиаде, М. Тайные общества: Обряды инициации и посвящения. – Киев: София, 2002–288 с.

References

- Eliade, M. (2002). *Tainye obshchestva: Obryady initsiatsii i posvyashcheniya* [Secret societies: Initiation rites]. Kiev: Sofia.
- Gilyarovskiy, V. (2016). *Moskva i moskvichi* [Moscow and moscovites]. Moscow: Izdatelstvo AST.
- Kuprienko, S. A., & Talakh, V. N. (Eds., & Trans.). (2014). *Skazaniya o Solntсах. Mify i istoricheskie legendy naua* [The legends of the Suns. Myths and historical legends of the Nahua]. Kiev: Izdatel Kuprienko S. A.
- Monsutti, A., & Naef, S. (2007). *Sabahi Farian. The Other Shiites: From the Mediterranean to Central Asia*. Bern: Peter Lang.
- Pylyayev, M. I. (2002). *Staryi Peterburg. Rasskazy iz byloi zhizni stolitsy* [Old Petersburg. Stories from the capital's past life]. Saint Petersburg: Paritet.
- Romanov, V. K. (2007). *V Mramornom dvortse* [In the Marble Palace]. Moscow: Veche.
- Stikhi 1000 poetov. *Antologiya kitaiskoi poezii v perevodakh B. Meshcheryakova* [Poetry of 1000 poets. Anthology of Chinese poetry translated by B. Meshcheryakov]. (n.d.). Retrieved January 30, 2020 from <http://baruchim.byethost8.com/>
- Tsvety Yamabuki: *Shedevry poezii haiku "serebryanogo" veka (konets XIX – nachalo XX vv.)* [Yamabuki flowers: Masterpieces of haiku poetry of the Silver Age (late XIX – early XX centuries)]. (2000). (A. A. Dolina, Trans.). Saint Petersburg: Giperion.
- Von Hagen, V. (2010). *Atsteki, maya, inki, Velikie tsarstva drevnei Ameriki* [The Ancient Sun Kingdoms of the Americas: Aztec, Maya, Inca]. Moscow: Tsentrpoligraf.

то есть мечта о новом существовании, возрождении, полном и значительном» [9, с. 277].

Подлинный праздник не может быть ежедневным. Рутинное, привычное, повседневное – противоположно празднику. Праздничная архитектура – это обязательно крайнее, чрезмерное выражение эмоций. И не так важно, какие это будут эмоции: помпезность классицизма, украшательство барокко, печаль минимализма или ярость деконструктивизма. Если градус переживания возвышается над повседневным уровнем, получится праздник.

Иначе выглядит сущность пространства для праздников. Подобно театральной сцене или арене цирка, такое пространство само по себе не окрашено никакими эмоциями, оно эмоционально пусто. Но его структура такова, чтобы в этой пустоте можно было быстро развернуть декорации для спектакля на любую тему. Пространство для праздника должно быть гибким и трансформируемым. Подобно античным амфитеатрам, оно насыщено скрытыми от глаз механизмами, обеспечивающими театральные чудеса. Освещение, озвучивание, движение человеческих масс, доставка и функционирование декораций и даже вывоз мусора – все это задачи, которые должно экономно и по возможности незаметно решать пространство праздника.

Пространство праздника, архитектура праздника – обязательно сакральные, не для повседневного присутствия. Чтобы войти в состояние праздника, нужно чем-то жертвовать – ресурсами, временем, удобством привычной рутины, здравым смыслом и умеренностью. Только тогда получится не просто веселье, развлечение или мероприятие. Получится праздник, и состоится переход во что-то действительно новое.

> Рис. 11. Китайский художник Ли Дон Свон (Li Dong Swong) так увидел ближайшее будущее токийского квартала Шибуйа (Сибуя). Судя по фотографиям туристов, этот популярный район уже сейчас выглядит примерно так же. А планы застройки центра района плотной группой небоскребов действительно обещают вечный сумрак, освещаемый только рекламными огнями

